

выя схемы, новая симметрия и крути уже шевелятся въ головѣ мечтателя, перестающаго быть ученымъ. Кажется бы, маленькая справка, нѣтъ же приводимая, могла бы нѣсколько охладить эти пелумяемые восторги. «Столькимъ бродить дуэтомъ и кочуютъ якуты по пространствамъ между Енисеемъ и Леной, сплошь уединеннымъ, на протяженіи миллионныя квадратныя версты И, все-таки, залежи эти остаются мертвымъ, безъизменнымъ камнемъ. Но **придетъ** иной художникъ жизни — и повиснетъ ихъ изъ плетръ! Еще одинъ шагъ нужно сдѣлать, чтобы поныть, кто этого «художника», откуда онъ придетъ, и особенно когда онъ придетъ, чтобы довести до логическаго конца основную идею самого автора об **органичности** историческаго развитія Россіи и вернуть его отъ эфемерной «сдержанности» Чингис-хана

и отъ степной идеологіи далекаго прошлаго на почву научнаго историческаго изученія.

Но найдеть-ли въ себѣ силы все еще «молодой» изслѣдователь, чтобы остаться на этой твердой почвѣ, не устремляясь въ встрѣчу степному мареву, исчезающему по мѣрѣ приближенія къ нему? Равно было-бы ставить крестъ на ученомъ, могущемъ подарить насъ серьезными и полезными работами. И хорошо, что онъ не забылъ своего собственнаго, болѣе обшьяющаго прошлаго. Тамъ онъ видитъ геверь «генезисъ» своихъ евраійскихъ идей. Хорошо было бы, если бы, вернувшись къ этому разладу, его научная мысль потекла по прямой научной магистрали, не терпясь въ политическія думкахи и месіашистскія миражахи.

П. Милюковъ.

Политическія замѣтки

(Еще о «Новомъ Градѣ»).

Со времени возникновенія «Нового Града» прошелъ годъ. Весьма памятно выступленіе новаго журнала на общественно-литературной аренѣ и толь особый, нѣсколько неожиданный резонансъ, которымъ оно сопровождалось въ эмигрантской средѣ.

Журналъ выставлялъ на своемъ знамени общіе принципы христіанскаго социализма: синтезъ идей личной свободы и социальной справедливости, утверждаемыхъ въ абсолютной истинѣ христіанства. Кажется, сочувствіе журналу заранѣе было обезпечено со

стороны всѣхъ, кто, жито откликаясь на социальныя запросы современности, испытываетъ потребность въ религіозномъ осмысленіи своего міросозерцанія и своей дѣятельности.

На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, произошло другое: интересно и талантливо ведущійся журналъ оказался какъ бы общественно-изолированнымъ. Оттолкнувъ отъ себя часть возможныхъ друзей въ средѣ демократической, приобрѣтъ сомнительной цѣнности союзниковъ въ лицѣ всякихъ національ-большевиковъ, младо-

россовъ и смѣловъховцевъ, «Н. Г.» объединилъ въ отрицательномъ отношеніи къ себѣ чуть ли не подавляющее большинство политически оформленной эмиграции. Въ чемъ же дѣло? Причина, какъ будто, ясна. Основной грѣхъ и основная бѣда «Новою Града» — недостаточное отчетливое, а потому и соблазнительное отношеніе къ результатамъ и перспективамъ большевистскаго опыта въ Россіи и столь же соблазнительное отношеніе къ основамъ «буржуазной» культуры — свободѣ, демократіи, правовому государству. Въ этомъ новгородцы фатально повторяютъ ошибку, которая уже погубила нѣсколько лѣтъ тому назадъ свраійство, и обрекаетъ на безплодіе разномысленныя группы его незадачливыхъ «но-революціонныхъ» эпигоновъ.

Послѣ перваго, несомнѣно удачнаго дебюта (о немъ мы писали въ № 48 «Совр. Зап.»), вышли въ свѣтъ въ теченіе этого года еще три книжки журнала. Въ нихъ помѣщенъ рядъ живыхъ и талантливыхъ статей, посвященныхъ какъ общимъ проблемамъ культуры, такъ и ближайшей разработкѣ идеологій «Н. Г.» Было бы однако трудно составить себѣ на основаніи этихъ статей окончательное представленіе о новгородскомъ міросозерцаніи. Единный плейный обликъ журнала еще не сложился, — можно пока говорить лишь о настроеніяхъ, психологій, преобладающихъ въ «Н. Г.». Но для характеристики этихъ настроеній, въ частности по наибольше острому вопросу объ отношеніи журнала къ совѣтской дѣятельности и буржуазной демократіи, вышедшія въ теку-

щемъ году 2, 3 и 4 книжки даютъ достаточный матеріалъ. Попробуемъ разобраться въ немъ.

Будемъ справедливы, и признаемъ сразу же, что за это время редакция сдѣлала очень многое, чтобы смягчить неблагоприятное впечатлѣніе, разсѣять недоумѣнія, вызванныя нѣкоторыми статьями въ № 1 «Н. Г.». Такъ, послѣ немилосерднаго суда, учиненнаго въ первой книжкѣ надъ «буржуазной» демократіей и «формальной» свободой Бердяевымъ и Степулякомъ, — во второй книжкѣ «Н. Г.» мы находимъ разъясненіе «всей редакціи» въ цѣломъ, что къ принципамъ формальной свободы она относится какъ къ драгоценному запаснику культуры. Въ той же второй книжкѣ «Н. Г.» помѣщена статья Вышеславцева, написанная даже въ защиту буржуазной демократіи и, сльд., идущая въ разрѣзъ всей линіи Бердяевско - Степуляковскихъ разсужденій. Въ третьей книжкѣ помѣщено превосходное редакціонное обращеніе къ молодежи, полъ которымъ мы охотно подписались бы, предостерегающее ее отъ соблазновъ духовной ассимиляціи съ СССР. Въ третьей и четвертой книжкахъ дано мѣсто интереснымъ очеркомъ С. Гессена о кризисѣ капитализма, статьямъ спокойнымъ и вдумчивымъ, чудимъ всякихъ крикливыхъ пророчествъ. Наконецъ, отмѣтимъ статью Г. Федотова въ № 4 «Н. Г.», въ которой онъ, явно сконфуженный похвальными аттестаціями «Новому Граду» со стороны маститаго смѣловъховца П. Устрялова, старается, не всегда удачно, ослабить одиозное значеніе нѣкоторыхъ неосторожныхъ сужденій новгородцевъ, какъ разъ въ свое

время встречных и наоборотным обоснованием эмигрантской критики.

Все это такъ, и мы первые рады признати, что указанные статьи и заявления свидетельствуютъ о възрожденіи въправленіи общей мысли «Н. Г.», какъ органа антибольшевикова. Но рядомъ съ этимъ въ «Н. Г.» по прежнему находится себѣ выраженіе настроенія советскихъ швы. При томъ весьма трудно различити, когда является точка зрѣнія всей редакціи въ цѣломъ, и когда, въ порядкѣ дискуссионной терпимости, лишь особое мнѣніе отдѣльнаго сотрудника.

Весьма показательна для этого и, повидимому, господствующая въ «Н. Г.» настроенія, выдѣленная по второй вышкѣ статьи И. Булакова «Дни кризиса». По кардинальной важности для усиленія облика «Н. Г.» загромождать Булаковымъ тему, по положенію автора статьи въ журналѣ, статья эта является какъ бы программой и заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Статья является воспроизведеніемъ рѣчи, сказанной И. Булаковымъ на одномъ изъ собраній «Дней» въ преніяхъ по докладу А. Ф. Керенскаго о кризисѣ капитализма и кризисѣ советскаго хозяйства.

Тезисы доклада Керенскаго весьма просты, и, на нашъ взглядъ, вообще безспорны. Капиталистическій строй действительно переживаетъ глубокий кризисъ, и не конкурирующей точки, а ориентированной еще некуда своихъ творческихъ возможностей и кризисъ свидетельствуетъ лишь о назрѣвшей

необходимости перехода капитализма въ стадию «связаннаго» хозяйства. Иная перспектива у советской хозяйственной системы Утилитарка, проводимая въ безмысленномъ темнѣ, осуществляется лишь цѣной небывалаго, обнищанія населенія, за счетъ прудудительнаго труда. Советское хозяйство, не способное разрешить проблему производства, осуждено на гибель, оно или должно быть до основанія перестроено, или, при сопротивленіи большевиковъ, взорвано.

Ожесточенными противниками обоихъ положеній Керенскаго выступили, какъ полагается, представителі «по-рево поціонной» молодежи, со своимъ обычнымъ репертуаромъ Тутъ были страшныя слова объ агоніи буржуазнаго строя, откровенія, о всемірно исторической миссіи Россіи; гимнъ патріоткѣ, являющейся вызовомъ русскаго народа старому міру; обвиненія социалистовъ въ предательствѣ пролетариата и въ пособничествѣ капиталистамъ. Словомъ, за исключениемъ примѣси мистики, это было довольно цѣрное воспроизведеніе того, что на эти темы пишутъ советскія изданія И въ качествѣ заключенія суровый приговоръ: «молодежь съ А. Ф. Керенскимъ вне по пути».

Почему собственно представителі двухъ-грехъ ведущихъ эфемерное существованіе эмигрантскихъ кружковъ уполномочены авторитетно выступать отъ лица молодежи вообще, — неизвестно. Приходится однако убѣждаться, что эта «по-революціонная» самореклама кос на кого дѣйствуетъ, и типичная эмигрантская кружковщина принимается за выраженіе подлинныхъ настроеній

широких кругов молодежи, зарубежной и внутрироссийской

Соблазненъ, видимо, перспективой какого то общенія съ широкимъ идейнымъ движеніемъ молодежи и Бунаковъ Выбавашисъ въ споръ въ качествѣ porte-parole только что возникшаго «Н. Г.», онъ безъ колебаній произноситъ свой выборъ: «въ дуэли, которая происходитъ между А. Ф. Керенскимъ и представителями по-революціонныхъ теченій... я пѣлюсь на сторонѣ послѣднихъ». И возможность чувствовать себя заодно съ молодежью увлекаетъ Бунакова «не потому, что она права, а потому, что она обращена къ новой жизни», — хотя самъ же онъ думаетъ, что эта новая жизнь въ сознаніи всей (?) молодежи рисуется въ видѣ совѣтскаго строя.

Не будемъ здѣсь останавливаться на Бунаковской критикѣ буржуазно-капиталистическаго строя, — въ данной замѣткѣ мы предпочитаемъ сосредоточиться на другой сторонѣ никоградскихъ настроеній, той, которая обращена лицомъ къ Сов. Россіи. Ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Исходный пунктъ для критики этого строя у насъ съ Бунаковымъ уже не первый десятокъ лѣтъ одинъ и тотъ же, это — идея демократическаго социализма. Но на этотъ разъ, б. м. въ стремленіи найти общій языкъ съ «по-революціонными» теченіями, онъ придаѣлъ своей социалистической критикѣ особую, намъ чуждую тональность. Слѣдя за Бердяевымъ и Стелуномъ, онъ чрезмерно преувеличиваетъ безвыходность положенія для капитализма, и оспариваетъ объективную цѣн-

ность «буржуазной» формальной свободы. Буржуазный строй находится, по мнѣнію Бунакова, въ стадіи окончательнаго и катастрофическаго распада «страшныя удары потрясають міръ рушатся вѣковыя цивилизаціи, обваливаются грандіозныя плиты чело-вѣчества, рвдается страшный грохотъ...», — въ такихъ зловѣще-мрачныхъ тонахъ рисуется ему картина современнаго чело-вѣчества. Буржуазно-капиталистическій міръ рушится, ибо онъ осужденъ чело-вѣческой совѣстью, онъ «умеръ въ душахъ людей», по излюбленному выраженію Бунакова.

Трудно заниматься предсказаніями относительно ближайшаго будущаго капиталистическаго міра. Возможность новой мировой войны, самое существованіе такого огромнаго «интернационалистическаго» образованія, какъ СССР, являющагося важнѣйшимъ факторомъ, которые не поддаются учету. Но поскольку рѣчь можетъ идти лишь о внутрисоциальныхъ тенденціяхъ развитія самой капиталистической системы, ожиданія грандіознаго социальнаго катаклизма намъ кажутся необоснованными, несмотря на неслучайную тяжесть современнаго мирового кризиса. Несправедливость капиталистической системы открыла «лучшій» чело-вѣчества, въ частности рабочему классу уже очень давно, но судьбу ея, какъ системы хозяйственной, рѣшаютъ прежде всего мотивы хозяйственныя же. Несомнѣнно, капитализмъ, какъ онъ сложился въ XIX вѣкѣ, клонится къ упадку, и міръ всступилъ въ переходную эпоху. Но капитализмъ, это, по характеристикѣ Зомбарта, «эмблематическое соз-

даніе человеческого духа, величайшее чудо исторіи, которое мы еще до сихъ поръ до конца не понимаемъ, — еще обладаетъ огромными силами и возможностями. И до тѣхъ поръ, пока въ иѣдрахъ самого существующаго общественаго строя не возникъ и не окрѣлъ новый, идущій ему на смѣну, порядокъ, — однихъ моральныхъ аргументовъ, при всей ихъ неоправданности, еще недостаточно для разрушенія капиталистическаго «Содома». Капиталистическій строй способенъ къ эволюціи. Уже сейчасъ, въ эпоху «пограничнаго» капитализма, одновременно сосуществуютъ формы до-капиталистическія (ремесло, крестьянское хозяйство), чисто-капиталистическія и послѣ-капиталистическія (кооперативныя, государственныя, муниципальныя предприятия). Дальнѣйшую социальную эволюцію можно представлять себѣ какъ преобладающій ростъ общественного сектора хозяйства, а въ капиталистическомъ секторѣ переходъ отъ хозяйства индивидуалистическаго къ «связанному».

Съ отрицаніемъ капитализма, какъ хозяйственной системы у «по-революционныхъ» теченій связано не менѣе рѣзкое отрицаніе буржуазнаго правового строя, и прежде всего демократіи и «формальной» свободы. Въ «Н. Г.» эту линію ярко представляетъ Степунъ. Но противопоставляетъ реальной свободѣ будущаго града «иррипативную», «иллюзорную» свободу буржуазную и Бунаковъ въ своей статьѣ Правильно ли однако такое противопоставленіе даже терминологически?

Нѣтъ двухъ свободъ, формальной капиталистической и будущей реальной социалистической. Есть

только одна — свобода просто, величайшая духовная цѣнность, не данная намъ во всей мыслимой полнотѣ содержанія, но лишь постепенно раскрывающаяся въ историческомъ процессѣ. Буржуазно-капиталистическій міръ накладываетъ, конечно извѣстный отпечатокъ эпохи на реальныя формы ея воплощенія. Но отвергать на этомъ основаніи моральную цѣнность формальной свободы, объявлять ее зломъ, хотя бы и относительно, значить за временной оболочкой не видѣть живущую въ ней вѣчную правду свободы.

Свобода, разумеется, недостаточна сама по себѣ, чтобы сдѣлать человека счастливымъ, счастливымъ или добродѣтельнымъ. Она лишь предварительное, «формальное» условіе для возможности борьбы за реальнѣйшій прогрессъ человечества. И, конечно, нельзя представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, что въ социалистическомъ обществѣ будетъ осуществлена какая-то особая «реальная» свобода, какъ принципиально по своей природѣ отличная система правъ, автоматическимъ обезпечивающая каждому «достойное чело-вѣка существованіе».

Нельзя одновременно призывать къ культурѣ свободы въ будущемъ обществѣ и поощрять неуваженіе къ ней въ настоящемъ. И потому имѣть непонятна политика руководителей «Н. Г.», необдуманно потакающихъ якобы антикапиталистическимъ, а по существу всего лишь антидемократическимъ и анархическимъ, про-большевическимъ и фашистскимъ настроеніямъ, методажи

Страстное обличеніе золь капитализма, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, неразрывно связывается въ «по-революціонномъ» сознаніи съ оптимистической, почти благодушной опѣнкой процессовъ, происходящихъ въ Россіи подъ советскимъ режимомъ. И въ этомъ послѣднемъ пунктѣ — наибольшее наше расхожденіе съ «Н. Г.». На этотъ разъ дѣло идетъ уже не объ одной только сбитой съ толку молодежи, а о какой-то нивѣющей болѣе глубокие корни въ прошломъ своеобразной психологій «отцовъ».

Бунаковъ заявляетъ, что онъ ненавидитъ советскую власть «последней ненавистью», и тотъ, кто сколько нибудь знаетъ духовный обликъ И. И. Бунакова — Фондаминскаго, ни на минуту не усумнится въ субъективной правдѣ этихъ словъ. Но какая это странная ненависть, какое голое, лишнее жизненное содержаніе чувство! Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всего того положительнаго или исторически оправдываемаго, что новгородцы находятъ въ советскомъ режимѣ, трудно понять, почему, собственно, они еще такъ непримиримо враждебны къ советской власти.

Вѣдь чтó собственно составляетъ главную основу и моральное оправданіе непримиримости тѣхъ, кто въ свой антибольшевизмъ вкладываетъ не корыстную память объ утраченномъ быломъ положеніи, а только любовь къ своему народу и непрестанную тревогу за судьбу Россіи? Думается, главные пункты тяжбы непримиримыхъ русскихъ демократовъ передъ судомъ исторіи остаются все тѣ-же: мы обвиняемъ большевиковъ въ томъ, во-пер-

выхъ, что, захвативъ въ 1917 г. власть путемъ заговора, опиравшегося на ничтожное меньшинство, они насильственно прервали только что открывшійся тогда передъ русскимъ народомъ путь мирнаго развитія въ свободу; въ которыхъ, что большевики, удерживая съ тѣхъ поръ въ своихъ рукахъ власть только насиліемъ и терроромъ, исползовали ее для неслыханнаго въ исторіи хозяйственнаго и духовнаго закрѣпощенія народа; и, наконецъ, въ третьихъ, что своей безумной хозяйственной политикой и духовнымъ порабощеніемъ народа большевики уже довели Россію до полнаго истощенія и одиоанія, и тотъ, кто ей неизбежна, еще болѣе страшныя испытанія въ будущемъ. Поэтому для насъ советскій режимъ — нечлчайшая иррація, небывалая хозяйственная бессмыслица, затѣманъ духовная реакція.

Мы отлично знаемъ, съ какой снисходительной улыбкой, въ сознаніи собственного превосходства, встречаются въ «по-революціонномъ» лагерѣ подобныя «старомодныя» мысли. Ф. Степунъ безъ обвиняковъ зачислитъ насъ въ категорію вымирающей породы «реакціонныхъ антибольшевиковъ», утратившей всякую связь съ живою Россіей «эмигрантскими», не способной понять, что большевиамъ — это не только ложь, но «въ извѣстномъ смыслѣ и истина», «утраченная заря какого-то новаго дня исторіи» («Н. Г.» кн. 2). Но, не смущаясь, со своей стороны присмотримся внимательно къ тому «углубленному пониманію діалектики революціи», которое намъ вдумчивъ предлагаетъ «Н. Г.».

Советская власть «не чуждая русскому народу и не однимъ назваться она править страной **Самъ русский народъ въ своемъ безумномъ порывѣ къ новой жизни поставилъ ее надъ собою**», утверждаетъ Бунаковъ. Онъ собственными глазами видѣлъ въ октябрьскіе дни народныя массы, поголовно охваченныя большевизмомъ. «Величайшая въ мірѣ революція» — очевидно, большевизмъ — «дѣло рукъ **самого русского народа**, это онъ въ полномъ безумномъ порывѣ къ будущему идетъ по пути ошибокъ, насилия и преступленій». Такъ, несомненно въ устахъ Бунакова, русский народъ дѣлается почтически ответственнѣе не только за октябрьскій переворотъ, но и за послѣдующія «ошибки, насилия и преступленія» советской власти.

Сейчасъ, въ пятнадцатилетнюю годовщину октябрьскаго переворота б. м. не лишне напомнить историческіе факты, которые рѣшительно опровергаютъ генеретивно интерпретацию октябрьскихъ событий Бунаковымъ. **Весь трагизмъ октябрьскихъ дней** вовсе не въ томъ, что изъ этого момента народныя массы будто бы оказались не съ народолобивымъ Временнымъ Правительствомъ, а съ заговорщиками противъ народной свободы. Странно то, что въ дѣйствительности въ это время, когда рѣшалась судьба Россіи, народъ вообще оказался въ **нѣтяхъ, ни гдѣ, глубоко равнодушный къ «партийной» борьбѣ въ господскихъ верхахъ**, не понимающій, что вопросъ идетъ о его собственной жизни и смерти.

Какъ можно говорить о выра-

женіеи въ октябрьскомъ переворотѣ «воли самого народа», когда большевики аметно потому и поспѣли съ восставіемъ, чтобы не дать въ предстоявшихъ черезъ два недѣли выборахъ въ Учредительное Собраніе свободно организоваваться этой слюбой народновою? Конечно, самая возможная столь легкаго сверженія Временнаго Правительства объясняется прежде всего тѣмъ, что у него, въ силу разныхъ причинъ, не оказалось за все время его существованія реальной «власти», въ смысле обладанія какими бы то ни было аппаратами государственнаго принужденія. Но судьба заговоръ въ столицѣ была въ октябрьскіе дни рѣшена не «безумнымъ русскимъ народомъ» по Бунакову, а въ концѣ разложившейся тыловой солдатчиной, охотно шедшей за большевиками, сугубившими ей скорый миръ, а въ послѣдніе дни передъ переворотомъ «безумчѣишей» подъ впечатлѣніемъ опубликованнаго 14-го октября приказа Главнокомандующаго сѣвернаго фронта генерала Черемисова о выводѣ войскъ петроградскаго гарнизона на фронтъ⁴⁾, — при полномъ если не безразличіи, то индифферен-

⁴⁾ Тотъ, кому эти объясненія покажутся слишкомъ «базальными», личными мистиками революціи, взрыва смысла всѣхъ смысловъ и пр., — пусть прочтетъ опубликованные въ 1929 г. Институтомъ Ленина протоколы Центр. Комитета большевиковъ и въ частности протоколъ № 26 засѣданія 16 октября, на которомъ было окончательно рѣшено восставіе. Изъ этихъ протоколовъ съ очевидностью выясняется исключи-

сивномъ отношеиіи столичнаго населенія. Та-же картина и въ Москвѣ, гдѣ была сдѣлана во время октябрьскаго переворота единственная серьезная попытка вооруженнаго сопротивленія большевикамъ. Большевицкія силы, гдѣ «народныя массы, которымъ по поволградской концепціи революціи, полагалось быть въ этотъ моментъ охваченными «безумнымъ порывомъ къ будущему», были и въ Москвѣ представлены расхлябанной тыловой солдатчиной, которая съ чисто спортивнымъ увлеченіемъ пострѣлила изъ пулеметовъ по «юнкерамъ» и разносила изъ тяжелыхъ оружіи московской Кремль. Въ вооруженной борьбѣ на сторонѣ большевиковъ участвовало, по свѣдѣтельству одного изъ руководителей, виднаго большевика Н. Муралова, около 40.000 солдатъ московскихъ тыловыхъ частей, и всего лишь около 3.000 рабочихъ (— противъ общаго числа въ 8-10.000 военной и учащейся молодежи у Комитета Общественной Безопасности...) Населеніе же двухмилліоннаго города и тутъ оставалось безучастнымъ свидѣтелемъ неравной борьбы. Обычаи отсиживались отъ стрельбы въ безопасныхъ мѣ-

тально военный характеръ задуманнаго переворота. Делегаты отъ рабочихъ районовъ и профессиональных союзовъ, выступавшіе на засѣданіи 16 окт., одинъ за другимъ свѣдѣтельствовали, что въ рабочей массѣ нѣтъ никакой волнъ къ активному выступленію, что самыя слухи о возможномъ выступленіи вызвали лишь недоумѣніе, а иногда и панику. Но самъ Ленинъ спокойно разъяснялъ, что рѣчь идетъ вовсе не о вооружен-

ствѣ, возмущались недостаткомъ свѣже - выпеченнаго хлѣба, домовые комитеты организовывали самооборону, предназначенную для того, чтобы «не допустить на дворъ грабителей, неизвѣстныхъ людямъ и, въ особенности, активныхъ участниковъ борьбы — ни большевиковъ, ни юнкеровъ» (М. Осоргинъ).—Огь необычной же русской провинціи, по традиціи привыкшей, чтобы всѣ общегосударственныя дѣла рѣшались въ столицѣ, и вовсе не приходилось ждать проявленія какой либо активности.

Словомъ, въ силу ли пассивности русскаго характера, или вследствие непониманія роковаго для Россіи смысла борьбы, но во время октябрьскаго переворота «народъ» просто отсутствовалъ, — да, по видимому, и позже, на всемъ протяженіи гражданской войны, онъ не игралъ значительной активной роли въ событіяхъ. Единственный въ эту эпоху разъ, когда распяченныя народныя массы имѣли возможность въ доступной для уровня ихъ гражданственности формѣ выразить свое отношеніе къ произведенному большевиками перевороту, это были выборы въ Учредительное Собра-

ніе, возстаніи рабочихъ, а о «борьбѣ одной части войска съ другой». Эту туманную формулу «вождя» тотчасъ же расшифровать Крыленко: «вопросъ о вынодѣ войскъ есть именно тотъ моментъ, на которомъ произойдетъ бой». Эта аргументація и своміи сомнѣній колебавшихся членовъ Ц. К., возстаніе было рѣшено. Опредѣляющая роль въ немъ крейсера «Ливорнъ» общеп-

В. РУДНЕВЪ

ше, въ ноябрь 1918 г. Въ это время административный аппаратъ былъ уже повсюду въ рукахъ большевиковъ, пресловутые декреты о мирѣ и землѣ обнародованы, дѣятельность всѣхъ оппозиціонныхъ партій до крайности стѣснена. И несмотря на все, ноябрьскіе выборы явились, какъ извѣстно, для партій переворота сокрушающимъ нотумомъ всепароднаго недоумія¹⁾.

Таковы историческіе факты, значенія которыхъ не ослабить никакой исторической стилизаціей. Факты эти общезвѣстны, и если гдѣ не менѣ ихъ приходится напоминать, то только потому, что легенда о «народномъ» происхожденіи совѣтской власти культивируется не только въ станѣ побѣдителей, но, въ силу какого то болѣзненного уклона психологии, отчасти и среди побѣжденныхъ.

Гораздо сложнее, конечно, вопросъ о соотношеніи совѣтской власти и народныхъ массъ въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ гражданской войны. Явно случайный характеръ октябрьскаго торжества большевиковъ еще ничего не предвѣщаетъ въ дальнѣйшемъ. Власть, первоначально возникшая

¹⁾ Изъ общаго количества полученныхъ голосовъ на долю большевиковъ пришлось не болѣе одной четвертой части. Даже если присчитать къ большевицкимъ голоса, поданные за лѣвыхъ с.-р., и то окажется, что объ партіи совѣтской власти имѣеть взягья, имѣти за собой въ странѣ въ это время менѣе одной трети всего населенія Россіи.

въ порядкѣ военнаго или дворцоваго переворота, **можетъ** впоследствии быть признана народомъ, — русская исторія знаетъ тому примѣры. Побѣда большевиковъ на всѣхъ фронтахъ гражданской войны и дѣятельность ихъ пребыванія у власти дѣлаетъ предположеніе объ этомъ во всякомъ случаѣ защитимымъ, — не болѣе впрочемъ защитимымъ, чѣмъ и мнѣніе, что совѣтская власть остается на проявленіи всего своего существованія испанщиной народомъ и держится насиліемъ.

Иностранцы, не знающіе Россіи, рѣшаютъ проблему просто: разъ народъ такъ долго мирится съ властью большевиковъ, значитъ она имѣетъ въ народныхъ массахъ достаточную опору. И добавляютъ обычно: строй, абсолютно непереносимый ни для какого другого народа въ мірѣ, очевидно воплотилъ отличаетъ национальному характеру русскаго народа. По Сенькѣ — шанка.

Признаться, мы не видимъ большой разницы между этимъ, столь обижющимъ насъ за русской народъ разсужденіемъ иностранцевъ и идеалистической схемой Бунакова, который совершенно такимъ же образомъ отъ факта длительности совѣтскаго режима дѣлаетъ выводъ о томъ, что душа русскаго народа съ большевиками. Такъ за отвѣтственной схемой исчезаетъ крошечная, зловѣщая дѣйствительность русской народной жизни: отчаянная, непрекращающаяся въ эти ужасные времена лѣтъ борьба съ совѣтскимъ режимомъ обезоруженнаго, ограбленнаго, задуманнаго голодомъ, обращеннаго въ рабство населенія. Остается блондушья стилизація: народъ, свободно связанный свою

судьбу съ большевиками, и добровольно идущій по своему историческому пути въ общемъ съ властью «безумномъ» порывѣ къ будущему».

Конечно, все это не такъ просто. Аргументы отъ длительности существованія отнюдь не убѣдительны: очень длительными въ жизни народовъ могутъ быть и періоды государственнаго распада, общественнаго маразма. «Соціалныя революціи» въ древней Греціи длились больше двухъ столѣтій, глубокое разложеніе современнаго Китая тянется тоже не одно десятилѣтіе. Историческій опытъ доказываетъ, къ сожалѣнію, вѣрность брошеннаго недавно мноюходомъ М. Алдановымъ ироническаго замѣчанія: «любая шайка можетъ, при случайно благоприятной обстановкѣ, захватить государственную власть и годами ее удерживать при помощи террора, безъ всякой идеи, съ очень небольшою численною опорой въ народныхъ массахъ; позднѣе профессора подыскиваютъ этому глубокаго социологическаго основанія».

Съ другой стороны, и побѣда большевиковъ въ гражданской войнѣ съ достовѣрностью свидѣтельствуеетъ только о томъ, что «бѣлыхъ» — народъ не поддерживалъ, но ни откуда не слѣдуетъ обратнаго, чтобы народъ въ этой борьбѣ былъ на сторонѣ совѣтской власти. Тотъ, кто пережилъ годы гражданской войны на югѣ Россіи, отлично поминитъ, съ какой фагастической легкостью, иногда по нѣскольку разъ въ теченіе одного года, смѣнялись тогда всевозможные режимы, изъ которыхъ въ сущности ни одинъ не опирался на прочныя симпатіи народныхъ низовъ. На сторонѣ

большевиковъ была выгода центральнаго положенія, осваиваваго въ нихъ обладаніи неограниченныя ресурсы государства, имъ помогала — ошибочная политика вождей бѣлаго движенія. Но, главное, побѣда большевиковъ на бѣлыхъ фронтахъ вовсе не знаменовала собою прекращенія гражданской войны, т. е. наступленія нормальной эпохи, когда народъ прямо — свободнымъ голосованіемъ — или косвенно, длительнымъ мирнымъ сотрудничествомъ съ правительствомъ, могъ бы позднѣйшимъ признаніемъ легализовать заговорщицкую власть. Такая эпоха для Россіи, несмотря на пятнадцатилѣтнее господство большевиковъ, еще не наступила. Гражданская война продолжается, въ иной, болѣе скрытой, но и гораздо болѣе страшной формѣ. Эту войну большевики, теперь уже безъ возможности ссылокъ на необходимость борьбы съ «генеральскою» контр-революціей, ведутъ непосредственно со всей массой русскаго народа. Последнее десятилѣтіе, съ голодомъ 1921-1922 г. г., съ насильственной коллективизаціей и бессмысленной пятилѣткою, стоило русскому народу жертвъ человѣческими жизнями и расточеніемъ производительныхъ силъ во много разъ больше, чѣмъ «империалистическая» и гражданская война имѣла въ виду.

Гдѣ, въ какой другой странѣ могла бы для демократа возникнуть хотя бы глѣбъ сомнѣнія въ антинародномъ характерѣ власти, ведущей непрерывную и безпощадную борьбу съ лишними всякихъ гражданскихъ и политическихъ правъ населеніемъ?

Торжество большевиков — самоочевидный фактъ, его историческое и политическое оправдание въ пришедшей советской власти народомъ, хотя бы и «безумчивающимъ» — произвольное «спореволюционное» умозаключение, не могущее никакъ быть доказаннымъ объективно, дань естественной, но малодушной потребности нашего ума признавать въ исторіи «все существующее разумнымъ». Но «по-революционное» сознание этимъ не ограничивается, историческій фактъ получаетъ дальнейшее и болѣе полное оправданіе. Советская власть признается положительной творческой силой въ предприняемомъ ею грандіозномъ планѣ реконструкціи Россіи. Оснаживается неслыханная оцѣнка хозяйственныхъ методовъ советской власти, наоборотъ, утверждаются небывалыя достижения, могущія если не сейчасъ, то въ будущемъ послужить къ величію Россіи и на благо русскаго народа. Если болѣе осторожные «отцы» ограничиваются лишь слѣпой вѣрой въ успѣхи пятилѣтки, то въ воображеніи болѣе темпераментной молодежи советскіе міражи приобращаютъ исполинскіе размѣры. Она не способна понять историческое предостереженіе Кауцкаго, что въ странѣ, насчитывающей 150 милл. жителей, нецѣлесообразно грандіозныя размѣры, — «даже тупости и преступленіе съ государственнѣхъ руководителей». Завороженная грандіозными масштабами советскихъ плановъ, «спореволюционна» молодежь грезишь о «всемирноисторическомъ» значеніи насущно и въ Россіи повсюду, погружается въ педоравную миску мессіанства и пр

Бунаковъ не идетъ, конечно, такъ далеко въ «Н Г.», но и онъ твердо вѣритъ въ громадныя достижения, не сомнѣваясь въ достоверности данныхъ советскихъ изданий, подтверждаемыхъ «свѣтми» (?) европейскими учеными, изучавшими советское хозяйство на мѣстѣ. Здесь не мѣсто для спора по существу о степени реальности этихъ достижений. Тенденціозно преувеличивать ихъ значеніе столь же нецѣльно, какъ и чрезмерно преувеличивать. Но укажемъ только, что и среди европейскихъ наблюдателей советской жизни (не говоря уже о русскихъ зарубежникахъ экономистахъ) далеко не существуетъ приписываемой имъ Бунаковымъ единодушія въ оптимистическомъ взглядѣ на перспективы советскаго хозяйства, — сошлемся, для примѣра, хотя бы на послѣднее по времени, потрясающее по своему трагизму свидѣтельство чешскаго профессора Яна Славика. Кто изъ наблюдателей и специалистовъ окажется въ конечномъ счетѣ правъ, — покажетъ будущее. Но не характерно ли, что при палочкѣ противорѣчій въ оцѣнкахъ советскихъ достижений, «по-революционная» психологія неизменно склоняется въ пользу оптимистовъ? Можетъ быть отчасти потому, что слишкомъ грѣшны въ обратную сторону среднее обвинительское общественное мнѣніе въ эмиграціи.

Въ ходѣ нашего разсужденія намъ достаточно того, что и Бунаковъ теперь признаетъ царяніе въ Россіи голодъ и планету (еще недавно онъ вѣрилъ въ «починѣніе» сельскаго хозяйства въ Сов. Россіи), но, самое главное, что онъ обладаетъ себѣ испль от-

честь, какою цѣной намѣрены большевики ошастливать Россію въ будущемъ. Эта цѣла — закрѣпощеніе всего 150-милліоннаго народа въ подлинномъ рабствѣ коммунистическому государству. **Осуществимо-ли** такое закрѣпощеніе цѣлаго народа въ XX вѣкѣ? **Способенъ-ли** рабскій трудъ дать ожидаемые отъ него большевиками хозяйственные результаты? Совершенно очевидно, что отъ того или иного отвѣта на эти кардинальнѣйшіе вопросы зависитъ судьба не только русскаго народнаго хозяйства, но и совѣтскаго режима въ Россіи. И по этому основному пункту у насъ наибольшее расхожденіе съ Бунаковымъ. Совершенно, разумѣется, одинаково съ Бунаковымъ относьсь къ происходящему закрѣпощенію съ точки зрѣнія моральнаго чувства, мы, оказываемся, весьма по разному обвиняемъ его въ перспективѣ исторической.

Для насъ остаются по прежнему непоколебленными элементарныя истины экономической науки и выводы историческаго опыта, что всякій принудительный трудъ наименѣе производительенъ по сравненію съ трудомъ свободнаго рабочаго, — именно это обстоятельство способствовало въ свое время ликвидаціи рабства и паденію крѣпостнаго права у всѣхъ экономически прогрессивныхъ народовъ. Переходъ къ принудительному труду въ Сов. Россіи не можетъ не повлечь за собою такое страшное паденіе производительныхъ силъ, при которомъ менѣе всего можно мечтать объ осуществленіи грандіознаго плана «догнать и перегнать» капиталистическія страны. Но еще болѣе незыбчемо наше твердое убѣжде-

ніе въ томъ, что русскій народъ никакими силами въ міръ и не можетъ быть поработенъ. Это убѣжденіе не пужается даже въ логическихъ обоснованіяхъ, оно — аксіома нашего національнаго сознания. Русскій народъ никогда не примирится съ новой крѣпостной зависимостью, порукой въ томъ его вѣчное историческое прошлое, высокая духовная одаренность, достигнутый имъ культурный уровень, присущее ему чувство личнаго достоинства и стремленіе къ свободѣ. Это окажется возможнымъ только заковать въ цѣпи, приковать къ каторжной тачкѣ, террономъ и голодомъ заставить ее тащить. Но никогда оны не способны смориться подъ шомъ, проникнуться рабьей психологіей, полюбить кнутъ. Пытаясь разбить неслыхательныя оковы, оны перестали бы думать погрязать зданіе совѣтской экономики. И въ концѣ концовъ, народъ непременно ихъ разобьетъ, даже если-бъ ему, какъ ослѣпленному Самсону, грозила погребель подъ развалинами.

Сосѣдъ шого валыда по этому поводу держится Бунаковъ. Въ проинопочковности намъ, оны столь же твердо убѣждаетъ, что и въ XX вѣкѣ возможно въ Россіи постановка крѣпостной зависимости, и что вполнѣ возможны на основѣ принудительнаго труда блестящіе успѣхи совѣтской промышленности и сельскаго хозяйства. Оны легко представляютъ себѣ осуществимость грандіозной совѣтской каторги. «150 мил. русскіихъ людей, тяжело работающих съ утра до ночи по принужденію, обрамленныхъ (!) милліонами вѣрующихъ фанатиковъ и энтузиастовъ и руководимыхъ лучшими

нѣмецкими и американскими инженерами», и называет смѣшными слѣбцами тѣхъ, кто не вѣрять въ возможность «романтичныхъ достижений» подобной каторги. Поэтому для Бунакова несомнѣннѣ конечный успѣхъ пятилѣтки.

Споръ въ этой области, конечно, безплоденъ, поскольку спорящiе въ равной мѣрѣ осуждены на бездоказательныя «утверждения» своихъ представлений о характерѣ русскаго народа. Но интересны для «Н Г» — тѣ аргументы, которыми Бунаковъ доказываетъ осуществимость большевистскихъ пятилѣтокъ принудительнымъ путемъ «Какъ историкъ», онъ ведетъ насъ въ глубь времени, въ древнiй Египетъ, и показываетъ намъ грандіозныя сооруженія, созданныя грудами нищихъ и гоныхъ рабовъ, исполнявшихъ священную для нихъ волю фараоновъ. Вы изумлены смѣлостью исторической аналогiи? Вы откажитесь въ XX вѣкѣ прибѣгать къ русскому народу мѣру древнихъ египтянъ, жившихъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.? Бунаковъ разрѣшилъ для себя сомнѣнiя — смѣлкой на религіозныя чувства русскаго народа. Примеръ египтянъ показываетъ возможность и при расковомъ трудѣ создавать грандіозныя творенія, но при одномъ условiи — «когда въ душахъ народа есть вѣра въ что-то священное, связанное съ ихъ трудомъ». И Бунаковъ думаетъ, что «нѣчто подобное» происходитъ сейчасъ и въ Россiи: русскiй народъ, осуществляя пятилѣтку, «строитъ свои пирамиды. Советская власть не чуждая русскому народу»..

Пятая должное уваженiе къ исторической наукѣ, мы однако ду-

маемъ, что въ данномъ случаѣ ея авторитетъ принесенъ въ жертву псевдочеловѣческой и весьма соблазнительной новоградской гандеици*).

Религіозное осмысливанiе исторiи, религіозное обоснованiе цѣ-

*) Всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бунаковъ изъ той же аналогiи съ древнимъ Египтомъ дѣлалъ выводы совершенно обратные его генералистамъ. Правда, это было въ 1923 г., въ началѣ Пята, въ моментъ казавшейся окончательной ликвидаціи большевистскаго эксперимента. Тогда Бунаковъ, тоже съ исторической точки зрѣнiя, доказывалъ какъ разъ неизбежность этой ликвидаціи. И дѣло было тогда не о поголовномъ закрытiи населенiя государству, а лишь объ относительно еще умѣренной формѣ совѣтскаго этатизма той эпохи. Тѣмъ не менѣе Бунаковъ былъ категориченъ. «Если опять древнiя Египта оправдать, то опытъ большевистской власти безуменъ», писалъ Бунаковъ («Совр. Зап.» кн. XIV), «потому что система этатизма проводится въ XX вѣкѣ въ странѣ, лишь до конца расплавленной Западомъ.. Личность, свобода и собственность — ея основныя устои. Вплотить въ такой странѣ систему неограниченнаго этатизма, неизбежно связанную съ абсолютнымъ и рабствомъ, значитъ во истину ставить безумный опытъ, послѣдствiя котораго неотвратимы» — Мы можемъ обѣими руками подписаться подъ этими краснорѣчивыми строками. Но интересно бы знать, когда же собственно историческая наука говорила устами Бунакова, теперь или въ 1923 г.?

ности личности и правды человеческого общежития—идеи, весьма дорогая пишущему эти строки. Но не снижают ли значение этих идей, слишком усердно оперируя категориями религиозного духа в анализе чисто внешне-социально-политических людских взаимоотношений? Представьте себя благожелательного иностранца, отнюдь не позитивиста, который, желая понять смысл происходящего в России, обратился бы за справками в «Н. Г.». Степень разъяснил ему, что коммунизм это есть некое «религиозное утверждение атеистической цивилизации», от Бердяева он знает, что большевики — люди несомненно религиозные, у которых только произошло, по Фрейдю, «переклочение религиозной энергии души на предметы не только не религиозные, но и антирелигиозные», и, наконец, Букович убедил его, что само загромощенное население тоже мистически осмысливает свою каторжную работу по возведению советских пирамид. Легко вообразить, какое своеобразное представление создается у нашего иностранца об этой поразительной стране Советов, где решительно всё вкладывают религиозный смысл в дела весьма прозаические и даже подчас отрицательные, и где в то же время происходят неслыханные по своей жестокости гонения на подлинную религию. Впрочем, надо надеяться, что здравомыслящий иностранец поймет, что нарисованная ему картина есть лишь результат всегдашней склонности русских интеллигентов подготавливать под апрюрия схемы на-

блюдаемую ими из окна кабинета реальную жизнь.

В № 4 «Н. Г.» помещена статья И. Лаговского «Бог и социальная правда в СССР». Статья — очень «новгородская», в том же хорошем смысле, что она проликуга весьма почтенным желанием отыскать и подчеркнуть положительные творческие процессы, которые несомненно не могли изгнаться в духовной жизни народа, указав зарю нового дня, начавшееся строительство «нового града» в темноте советском царств. Для нас особая поучительность этой статьи заключается в том, что она представляет собою первый, кажется, на страницах «Н. Г.» опыт применения Стенуновско-Бердяевской диалектики к конкретному анализу жизни советской действительности. Результаты первого практического испытания новгородского метода, не сами видя, прилагаю.

В соответствии с общей идейной установкой «Н. Г.» Лаговский пытается нам показать на конкретных примерах, взятых из советской прессы, рождающиеся в Сов. России новое религиозное сознание. Новый религиозный человек, по Лаговскому, усиленно сочетает в своей душе положительные стороны традиционной религии с частично прямой коммунистическим мирозеркалом. Если по-революционной церкви усвоила социальный нафось эпохи, то и коммунистический энтузиазм приобретает с течением времени все более своеобразную религиозную окраску. Так происходит сближение двух до сих пор бывших враждебных стихий в общем устремлении к

«социально - праведному устройству жизни», и даже создается возможность ведущей роли религии».

Читая статью Логовского, полонительно не знаешь, какому чувству отдаешь: приходишь ли в отчаяние отъ непроходимой зашнурованности автора, принимающего за чистую монету тотъ условный, запятый языкъ, которымъ выуждены говорить и писать в Сов. России рывительно все, и прежде всего, конечно, тонны; или же возмущаться и негодовать на него за безучастность, съ которой онъ амудреется мрачно, пропитанно саслами и кровью действительность подгонять под свою выдуманную септиметрично оптимистическую схему.

Уста, толкая которую непремѣнно хочешь Логовскій, утверждать, что «между темереннымъ основнымъ тономъ религиозно-настроений массъ и в частности устремлений коммунистовъ есть возможность какого-то долгаго коэутичества». Но ведь для «коэутичества» во всякомъ случае необходима добрая воля съ двухъ сторонъ, и прежде всего, конечно, наличие ея у торжественно-воинскихъ толпителей. Никакихъ признаков такой доброй воли у коммунистовъ, однако Логовскій не показываетъ ни разумности, ни не можетъ показать Емю только «настаетъ ограничиться общими рассуждениями на тему объ «эсхатологической одержимости» большевиковъ, о «религиозной» природе советскаго культа Маркса и Ленина и т. п. Зато даже съ избыткомъ эту готовность къ популистскому съ коммунистической властью Логовскій выводитъ у зрелищныхъ «религиозниковъ». Объявление этому Логовскій ча-

еть самое идеалистическое, вбрующее свободно приходить къ «религиозному принятию и освященію правды, заключающейся въ новомъ социальномъ мироощущеніи». Для подтверждения Логовскій приводитъ рядъ краснорѣчивыхъ заявлений и оказательствъ различныхъ церковныхъ общинъ, «Миромъ владеетъ смертельный грѣхъ капитализма», заявляеть въ 1928 г. группа петроградскихъ священниковъ «церковь, всеми силами способствуетъ государству въ выявленіи социальной правды». Иногда пускаются въ ходъ демонстративные плакаты «съ Богомъ и коммунизмомъ построимъ социализмъ», и на въ млецияхъ и церквяхъ появляются, рядомъ съ иконами, портреты Маркса, Ленина, Капитана Дѣго доходя до того, что епископы начинаютъ требовать отъ священниковъ, подъ угрозой лишения сана, прервать всякую связь съ «кулаками», священники проповѣдуютъ съ амвона возстание въ колхозы и даже — допускають къ повѣдѣ и участию только колхозниковъ.

Отъ вещей этихъ ягостныхъ, пусть даже сдипичныхъ, фактовъ у читателя навѣрное сожмется сердце болѣе за униженную и поруганную пародію вѣру и волюрадецъ Логовскій безмятежно спокоеенъ, ибо онъ въ ринъ въ «возможность органическаго синтеза задачъ, поставленныхъ коммунизмомъ, съ величными и требовательными религиозной правды».

Цельно и въ советскомъ журналѣ «Молодой Гвардья», органическоюй чека на борьбѣ съ религией, брать опубликовать декреть о безбожной пятидѣлкѣ, принятой Совнаркомомъ СССР и

уже вступивший в силу с 15 мая текущего года. Чудовищная декрет! В течение первого года будут закрыты все религиозные школы — духовная академия, семинарии, богословские курсы, а все служители религиозного культа будут лишены права на паек, начнется постепенное закрытие храмов. На втором году пятилетки будет произведена чистка религиозников по всем советским учреждениям, будет запрещено печатание религиозных книг и изготовление предметов религиозного обихода. В течение третьего года предусмотрено принудительное выселение из СССР всех служителей культа, не отказавшихся от вероисповедания и религиозных постов. В итоге, «к 1-му мая 1937 г. на всей территории СССР не должно остаться ни одного дома молитвы, а само понятие «бог» будет изгнано из предельно Советского Союза, как средневзвешенный пережиток».

Неужели же перед лицом этого нового чудовищного преступления мыслимы еще на страницах русского христианско-социалистического органа двусмысленная разсуждения о возможности идейного сближения и практического «попутничества» гонимых и гонителей?

Къ чему же, въ концѣ концовъ, зоветь и кула веледь свою аудиторию новый журналъ, — не въ отдаленной перспективѣ грядущаго христіанскаго общества, а въ конкретной исторической обстановкѣ, для Россіи сегодняшняго дня, на данномъ этапѣ большевистской революціи?

«Н. Г.», конечно, по концю отвергаетъ коммунизмъ, какъ міросозерцаніе, отрицающее вѣчную правду свободы личности. Но выветъ съ тѣмъ, въ концю не міросозерцательномъ, а общественно-политическомъ, «по-революціонное» новогрудское сознаніе значительно обезпѣчиваетъ съ психологическіе мотивы, которые до сихъ поръ составляли содержание и пафосъ эмигрантскаго антибольшевизма «Новогрудцы стремились укрѣпить аяисовѣтскую борьбу неизблемымъ фундаментомъ небесныхъ дѣяностей, — на дѣлѣ они подрываютъ земные аргументы борьбы, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Н. Устряловъ».

Въ самомъ дѣлѣ, если повѣрить «Н. Г.», что «душа» народа съ большевиками и советская власть держится не на силѣ, а народнымъ признаніемъ, — то какъ можно оправдать морально-политически революціонные методы борьбы противъ нея? Если большевистская пятилетка цѣлесообразна по существу и вышлѣшими советскими хозяйственными методами, то какъ, но имя блага Россіи, не поддерживать власть въ ея начинаніяхъ?

Здѣсь «Н. Г.» приходитъ въ опасную идейную близость со смѣловѣхствомъ и не даромъ Н. Устряловъ прощесски призываетъ журналъ, «вырывающій редуты зарубежной крѣпости изнутри», и только упрекаетъ новогрудцевъ въ потовинчатости, въ отсутствіи рѣшимости сдѣлать изъ своихъ «по-революціонныхъ» позцій необходимые логическіе выводы.

Рекртыя обьятія смѣловѣхности — серьезнѣйшее предосте-

режение для «Н Г» Это уже второй раз: темная тень смысловых ховства встречается на путях формирующегося «но-революционного» сознания, которое, как утверждает Степуля (во 2 кн «Н Г») зародилось внутри России, на почве двадцатых годов (не в связи ли с окончательным поражением вооруженной борьбы с большевиками?) и во эмпирию занесено «в некотором высланных из России в 1922 г. писателями и публицистами. Эдак, за границей, эти зачинатели «но-революционного» сознания были, по свидетельству Степуля, встречены «въ штатки» эмиграцией первого призыва, но это лишь «нѣчто общее» у берлинской группы смыслововодов, которые как раз въ это время собирались возвратиться въ Россию. Не позволительно ли предположить, что столь горькое слово «но-революционное» сознание въ какой-то мѣрѣ является симптомом общественной подавленности въ лагерѣ противниковъ восторжествовавшего режима, утраты вѣры въ правоту и конечный успѣхъ своего прежняго дѣла?»

Сознаютъ ли опасность идейного свозакия въ смыслововство сами руководители журнала? По видимому, да. Тотъ же Степуля, который особенно горячо всегда прииѣтствуетъ, всякие, даже самые фантастическіе домыслы «но-революционной» молодежи, съ опаской замечаетъ, что въ ней симптомы духовнаго про-большевизма, и настоятельно рекомендуетъ ей не отрываться отъ своей эмигрантской базы. Стараются и Федотовъ въ своей полемикѣ съ Устряловымъ (въ 4 кн «Н Г») —

точнѣе установить водораздѣль между «Н Г» и смыслововствомъ, — не всегда, впрочемъ, съ достаточнымъ успѣхомъ, въ виду неопредѣленности и противорѣчливости взглядовъ до сихъ поръ журналомъ позиций.

Не бѣднѣе ясность у негоградцевъ и въ отношеніи конкретно-содержаній программы освобожденія России. Для Бунакова, въ духѣ его идеалистической философіи, революціонная борьба есть прежде всего столкновение міросозерцаній; чтобы свергнуть большевиковъ, необходимо «увести души» той молодой поколѣнія, которое составитъ главную опору, «железо-бетонъ» совѣтскаго режима. Но при этомъ на свою сторону этихъ вынѣвшихъ энтузіастовъ коммунизма возможно, по убѣжденію Бунакова, только при опредѣленно антикапиталистическомъ характерѣ программъ будущаго переворота.

Эта образная схема спасенія России — черезъ «уводъ душъ» большевистской элиты въ пользу новоградскаго міросозерцанія — не вызываетъ у насъ особаго допѣрія. Ея главный недостатокъ тотъ, что она беретъ рѣшаніе судьбы России помимо и черезъ голову народа, не учитывая собственной психологіи желаній и дѣйствій самого народа. Почему, наприм., Бунаковъ увѣренъ въ томъ, что народъ настроенъ такъ же «антикапиталистически», какъ правящая верхушка? Если народъ возмущается, ось сдѣлать это не изъ-за міросозерцательныхъ разногласій съ большевиками, а во имя самыхъ элементарныхъ и жизненныхъ его интересовъ: во имя свободы хозяйственной и общественной правды, не быть

поставленнымъ къ стѣнкѣ или ограбленнымъ во усмогнѣнію власти, возможности свободно работать, торговать на базарѣ, молиться въ церкви и т. д. Но вѣдь это и будетъ возвратъ къ основамъ буржуазнаго строя, къ восстановленію капиталистической свободы хозяйствования, и добытыя права народъ теперь, думается, будетъ защищать со всей яростью. Что же будутъ дѣлать тогда новгородцы со своей антикапиталистической программой?

Что касается насъ, то мы определенно предпочитаемъ ориентироваться не на міросозерцаніе совѣтской элиты, а на жизненные интересы всего народа, и мы, вопреки Бердяеву, не увидимъ ничего «унизительнаго для достоинства русскаго народа», если ему, послѣ эпохи планетарнаго рабства, удастся вернуться къ мѣщанству «буржуазной цивилизаціи, либеральныхъ идей и формальной демократіи».

Къ концу своего годичнаго существованія «Новый Градъ», какъ органъ извѣстныхъ настроеній, если не направленій, оказывается, на взглядъ посторонняго, но доброжелательнаго наблюдателя, въ нѣкомъ гуликѣ: этимъ онъ обязанъ, конечно, неопредѣленности своей установки на еще не расшифрованное «по-революціонное»

сознаніе. Нечего и говорить, что для «Н. Г.» немислимы пути и выводы, усердно ему подсказываемые Устряловымъ. Но и топтаться долѣе на мѣстѣ, новгория избитыя уже общія мѣста и сомнительные парадоксы, положительно невозможно, не компрометируя въ концѣ серьезности заданія журнала. Надо, наконецъ, самоопредѣлиться. Можно положить «Новому Граду» одною: чтобы понятіе «по-революціоннаго сознанія» было въ дальнѣйшемъ развернуто журналомъ во всемъ его конкретномъ содержаніи.

Отъ участниковъ журнала эмиграція вправѣ ожидать опредѣленныхъ и точныхъ отвѣтовъ, какой именно духовный опытъ, какія идеи, какія конкретныя политическія и социальныя достиженія считаютъ они положительнымъ творческимъ активомъ большевистской «революціи». Мы хотимъ надѣяться, что серьезная критическая работа въ этомъ направленіи усилитъ многое прежде всего самимъ участникамъ «Н. Г.», а можетъ быть и въ нѣкогѣ установитъ менѣе остороженныя и болѣе доверчивыя отношенія между богатыми культурными силами и интересно ведущимся журналомъ и его «эмиграцкой социологической базой».

В. Рудневъ.